

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

V

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ИРАНЕ В ХУЛАГУИДСКУЮ ЭПОХУ

В обширной востоковедной литературе, посвященной монгольским завоеваниям, трудам русских ученых бесспорно принадлежит одно из первых мест. Это относится, в частности, и к изучению истории монгольского владычества в Иране во время правления хулагуидской династии. Здесь приходится назвать в первую очередь ряд первоклассных работ акад. В. В. Бартольда, которые пользуются всеобщим признанием и в значительной мере являются последним словом европейской науки; к ним относятся такие работы как „Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче“, ¹ обширная рецензия, по существу законченное исследование, на работу Blochet „Introduction à l'histoire de mongoles de Fadl Allah Rashid ed-Din“, ² ряд статей в Энциклопедии Ислама и др.

Своими трудами акад. В. В. Бартольд ввел в научный обиход множество новых источников и важных фактов, которые далеко продвинули вперед дело изучения этой эпохи. Едва ли ошибемся, если скажем, что В. В. Бартольд был первым, который сделал попытку дать общую научно-обоснованную оценку этого периода для истории Ирана. Исходя из ряда фактов, как, например, развития караванной торговли, высокой суммы доходов казначейства хулагуидского государства, роста городов, развития архитектуры и научной деятельности, он приходит к выводу, что это было время „громадного развития по сравнению с предыдущим“ и изображает его как „время расцвета“. ³ Не считая здесь уместным вступать в полемику по поводу общего вывода, отмечу лишь, что в своих работах В. В. Бартольд учитывает главным образом явления культурного порядка такие факторы, как политические и торговые сношения между отдельными странами, финансовое благополучие казначейства и пр., и почти не касается вопросов социальной жизни и в частности положения народных масс. Советские историки, изучающие эту эпоху, отдавая дань уважения научным заслугам В. В. Бартольда, не могли не отметить этой односторонности его выводов и направили свои исследования в сторону изучения социальной проблематики в широком смысле слова. И хотя сейчас еще рано говорить об обобщающих выводах, тем не менее первые результаты исследований безусловно говорят о том

¹ В. В. Бартольд. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче. Анийская сер., № 5, СПб., 1911.

² Опубликована в журн. „Мир Ислама“, СПб, 1912, стр. 56—107.

³ В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей и истории мусульманского мира. Баку, 1924, стр. 63, сл.

что к указанной оценке эпохи монгольского владычества должен быть внесен ряд поправок.¹

Наш очерк посвящен некоторым вопросам социальных отношений в Иране в хулагуидское время.

В советской литературе установился взгляд на период монгольского завоевания, как на переломный момент в развитии феодальных отношений в странах Ближнего Востока. Происшедшие перемены с особой наглядностью видны в области земельных отношений. Для Ирана они, благодаря наличию богатой и разнообразной исторической литературы, устанавливаются наиболее рельефно и отчетливо.

Содержание многочисленного бюрократического аппарата, постоянной армии, многолюдного и сложного ханского двора, вместе с так называемыми „орду“ (двор, свита) жен и царевичей, усилила необходимость получения постоянного источника доходов. Таким источником в первую очередь и стала земля. В спешном порядке, уже при Хулагу, государство начинает забирать в свое ведение земельные угодья, которые получают название „дивани“. Площадь их, бесспорно, занимает в монгольскую эпоху первое место по сравнению с другими видами земельных владений.

Наряду с землями „дивани“, в монгольскую эпоху складывается и другая категория земель, а именно „инджу“,² которые рассматривались как собственность ханского рода. Концентрация этих категорий земель происходит особенно интенсивно в первую половину хулагуидской эпохи. Чрезвычайно показательным в этом отношении являются данные относительно Фарса. Известный историк хулагуидов Вассаф, происходивший из этой области, дает наиболее обширный и любопытный материал, который подтверждается и другими источниками относительно образования фонда земель „инджу“. „По произвольному усмотрению, — пишет он, — четверть деревень, пашен (усадеб), садов, водопроводов, вод и мельниц во всех податных округах Фарса были выделены, так что сейчас доходы дивана инджу определены в порядке откупа в сумме 600 тыс. динаров ходячей монеты“.³

При образовании указанных земельных фондов монголам пришлось в значительной мере сделать это за счет частного землевладения. По свидетельству упомянутого автора, еще в первый период проникновения монголов, до Хулагу, их вассал атабек Фарса провел ряд мероприятий (потребовал документы на право владения, увеличил налоги), в результате которых, как говорит Вассаф, „прекраснейшие из владений (نفايس املاك) и лучшие из усадеб и земель (نوامى ضياع و عفار) — великих сейидов, известных казиев, знати и людей достатка постепенно перешли в ведение дивана“.⁴ То же самое было произведено и в отношении владельцев икты. „Так как, — пересказывает Вассаф, — большая часть районов Гармсира со времени его (атабека) отца находились во власти эмиров той стороны, они под предлогом икта и жалования (جامكيات) и бес-

¹ А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Вост. Европой в X—XV вв. Мат. по ист. Узб., Тадж. и Туркм. ССР, ч. I; его же. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке. Изв. ГАИМК, т. VIII; его же. Восстание Тараби в 1282 г. Отд. отт.; И. П. Петрушевский. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории восточного Закавказья. Изв. АН СССР, Отд. общ. наук, 1937, стр. 873—920. Работа эта имеет значение, выходящее за рамки собственно восточного Закавказья и рисует положение во всем Иране. Относительно общего положения в Иране в монгольскую эпоху см. стр. 898 и дальше. Весьма интересный новый материал приведен в ряде статей А. А. Али-заде, опубликованных в Известиях Аз. фил. АН СССР и АН Аз. ССР.

² Данные об этих категориях земель можно найти в приведенных в предыдущем примечании работах, где и даются ссылки на источники.

³ Вассаф. Тарих. Бомбейское литогр. изд., стр. 231.

⁴ Там же, стр. 162.

спорного права владения, а также полагая (достаточным основанием) выражение: «я и мой отец владели», ничего дивану атабека не давали. Теперь он, атабек, их уничтожил, а владения захватил, подвергнув всем неприятностям царского гнева. При попытке сопротивления он древо их существования вырвал с корнем“.¹

Согласно Вассафу, указанное выше изъятие земель в пользу дивана инджу шло также в значительной мере за счет земель частных владельцев. „Уполномоченные Аргун-хана, — пишет он, — начали тяжбы против тех владельцев, у которых земли наследственные и приобретенные были столетней давности, и решения по ним (тяжбам) было (в соответствии со временем)“.²

Политика монголов в отношении частных землевладельцев или тех, кто считал себя обладающими правами таковых, нашла свое отражение в интересном сборнике образцов официальных документов, относящемся к концу хулагуидской эпохи. В одном из документов этого сборника говорится, что „в прежнее время было достаточно малейшей неисправности в документах, чтобы владения забирала в пользу дивана“.³ Та же мысль выражена в письме Рашид-ад-дина. В нем предлагается правителю одной из областей вернуть владельцам те из „больших деревень и усадеб“, которые перешли в ведение дивана „при малейшем сомнении“⁴ в законности этого перехода. Однако процесс захвата частновладельческих земельных фондов шел не только по линии обращения их в государственные или коронные владения (инджу). Военно-феодалная верхушка, нойоны и эмиры, конечно и сами очень скоро приобрели интерес и вкус к приобретению земельных владений. Уже Рубрук отмечает тот факт, что „важные господа имеют на юге поместья, из которых на зиму им доставляют просо и муку“.⁵ Рашид-ад-дин говорит, что „в отличие от прежних времен у монголов появилось стремление к приобретению земельных владений“.⁶

Повидимому наиболее распространенным методом, помимо случаев прямого насильственного отчуждения, явилась подделка документов или приобретение за бесценок старых, потерявших силу актов. В руках монгольских феодалов подложные акты превращались в мощное орудие экспроприации. Мелкий и средний землевладелец, понятно, едва ли мог доказать свои права, имея противником могущественного эмира. По словам Рашид-ад-дина, каждый, кто имел владения, „считал их для себя хуже ста врагов“.⁷ Этот страх перед всегда висевшей над частным землевладельцем угрозой оказаться в столкновении с монгольским военачальником или лицом, которому последний покровительствовал, приводил к тому, что землевладельцы продавали за бесценок свои земли или оставляли их. Земельные владения, свидетельствует наш автор, оценивавшиеся в 1000 динаров, продавались за 500 и 300 динаров.⁸ Происходит общее обесценивание земли. Туземные феодально-бюрократические

¹ Там же, стр. 163. Перевод в виду вычурности стиля дан не дословный.

² Там же, стр. 231.

³ Цит. по единственному рукописному сборнику этих писем, имеющемуся в ИВАН, л. 14в.

⁴ Хинд ушах. Дастур ал-катыб. Цит. по копии, сделанной собственноручно Тизенгаузеном с рукописи Венской библиотеки (Flügel. Catalogue, I, стр. 236); хранится в ИВАН, л. 47в.

⁵ Иоанн-да Плано Карпини. История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Пер. А. И. Малеина СПб, 1911, стр. 75.

⁶ Рашид-ад-дин. Джами ат-теварих. Рукоп. ИВАН. Д. 66. л. 403 چون مغولرا

پر خلاف ازمان متقدم هوس املاک پديد آمد.

⁷ Там же, л. 403а.

⁸ Там же.

элементы, примкнувшие к завоевателям, пользовались своим положением для приобретения земельных владений. В этом отношении первое место занимала высшая гражданская бюрократия, одним из наиболее ярких представителей которой был первый при хулагуидах начальник дивана, знаменитый Ходжа Шемс-ад-дин Джувейни. Выходец из Хорасана, он приобрел, главным образом в Ираке, доходные владения, преимущественно из земельных участков, дававших ежегодно свыше 3000 динаров дохода.¹ Стремление к такому приобретению не является случайным. Рашид-ад-дин приписывает Джувейни следующие слова: „У меня наличных денег не имеется. Я не подобен глупцам, и золото не прячу под землей. Все, что мне попадало в руки, я употреблял на приобретение доходных имений“.² Крупнейшими землевладельцами были и сыновья его и другие родственники, занимавшие должности правителей в разных областях страны. Последующие за ним везиры мало чем отличались от него. Сам Рашид-ад-дин, как известно, владел громадными земельными угодьями. У его противника — также везира Са'-ад-ад-дина — были конфискованы большие земельные владения.³

Этот процесс перераспределения земельных фондов, в наиболее резких своих формах протекавший в первую половину хулагуидского периода, наблюдается и в конце его, проходя красной нитью через весь период монгольского владычества в Иране. Указы, направленные на защиту частного землевладения, опубликованные во время Газан-хана, а затем подтвержденные при его преемниках, существенно восстановить прежнее положение не смогли.

Рассказ, сохранившийся у Абд-ар-Резака Самарканди, и как будто до сих пор в литературе не отмеченный, характеризует как нельзя лучше положение дел в этом отношении в последний период существования династии хулагуидов. Разрешу себе привести его полностью. Под 723 годом (1323/4) он передает следующее:

„В этом году везир Ходжа Тадж-ад-дин Али-шах проявил достойные благодарности усилия для ликвидации смуты, связанной с владениями Наз-Хатун. А суть дела такова: в конце правления Ульджейту-Султана⁴ в округе Хамадан жил хатиб по имени Кази Мухаммед. У него с округой возник конфликт. И решил он отомстить жителям (ее). Он не то нашел, не то подделал старую кабалу — об этом аллах лучше знает — на имя Наз-Хатун, женщины, происходившей из Курдистана, и отнес ее к эмиру Чубану.⁵ [И сказал ему]: «Твой отец Мелик сын Тудан-Бехадура, в то время, когда Хулагу-хан шел на Багдад, овладел Курдистанским вилайетом. Твой отец эту Наз-Хатун забрал себе в виде добычи. И согласно ярлыку земли и доходные имущества (املاک و اسباب) ее принадлежат отцу твоему и тебе. Их [владений]⁶ в том вилайете имеется много и являются твоим наследством». Приобшив к себе одного-двух лиц, он [хатиб] представил несколько других документов, потерявших силу. Эти речи настолько засели в голове Чубана, что изменить их никак нельзя было. И эмир Чубан, взяв ярлык, послал нукеров для изъятия владений Наз-Хатун. А те проклятые, взявшись за дело, превратили имущество мусульман в [предмет] хуже чумы. [Множество] местностей

¹ Там же, л. 323а.

² Там же. *مراهیچ نقد نیست چو همچون جاهلان زر در زیر زمین نمی نهادم. چو مرا بدست می آمد تمام باملاک مرتفع میدادم.*

³ Там же (у продолжателя Рашид-ад-дина), л. 467в.

⁴ Правил с 1304 по 1316 г.

⁵ Всесильный временщик, главный военачальник при последних двух ханах — Ульджейту и Абу-Сеиде.

⁶ На поле рукописи *املاک و اسباب*.

в Казвине, Харадкане, Хамадане они забрали, а [еще больше] продали. А когда крестьяне [райат] узнали об этой смуте, то каждый стал говорить: «Эта деревня принадлежит Наз-Хатун». Таким образом народ поднял крик [о помощи]. Однако усилиями эмира Исуй-Кутлуга и ходжи Рашида эмир Чубан вольно или невольно должен был удовлетвориться несколькими взятыми им местностями. Но когда Ульджейту-султан умер и власть перешла к султану Абу-Се'иду, те два человека, что были вместе с хатибом Казии-Мухаммедом, отправились к наibu эмира Чубана с тем, чтобы он [наиб] напомнил Чубану те речи. Кроме того, принесли они еще около двухсот кабала, написанных на старых листах бумаги, в которых заключались владения двух-трех вилайетов, говоря: «мы нашли их во время обработки земли в таком-то месте». И они представили дело в таком виде, что эмир Чубан уверовал, будто имения (املاك) Наз-Хатун для него законнее молока матери. И стали хватать [владельцев] и насильно отбирать [их земли]. Дело дошло до того, что владельцы не осмеливались и взглянуть на свои земли, доставшиеся им от пятого и шестого колена. У других же, [земли] которых не были отобраны — крестьяне (دروزرگان), [хорошо] если в виде милости что-либо им давали, а то говорили: «Это принадлежит Наз-Хатун». Особенно велико было смятение в Казвине, где отдавали земли (ملک و اسبابی), которые [до того] и за 2 и 3 тысячи не продавали, за два или три динара, если кто-либо покупал. И большинство владельцев от того бедствия оставили страну, как это было во время гузской смуты в Хорасане, даже больше того. А нукеры Чубана собрали туманами деньги из того вилайета. Дело до того дошло, что Ходжа Али-шах об этом сказал эмиру Чубану и сильно настаивал на прекращении смуты. Но эмир не слушал. Наконец [Али-шах], изъяв один из вилайетов Рума [из казны], передал его эмиру взамен тех владений. Сам Ходжа Али-шах 20 тысяч наличными из своих собственных денег потратил на раздачу наибан эмира Чубана. И такими превосходными мерами он избавил мусульман от этой страшной беды».¹

Непосредственным следствием этой политики было широкое недовольство по преимуществу средних слоев землевладельческих классов, недовольство, которое проявилось открыто, например во время восстания сербедаров, в котором этот слой общества сыграл на первых порах руководящую роль.

Значительно ухудшилось в эпоху хулагуидов положение крестьянства. Важнейшей формой эксплуатации сельского населения являлась система прямых налогов и повинностей, установленная при монголах.

В отличие от предшествовавшего, сельджукского, периода, который в земельно-налоговой терминологии не оставил заметного (тюркского) следа, источники монгольской эпохи дают нам обильную налоговую терминологию.

Первая основательная попытка разобраться в сложном клубке этих терминов сделана В. В. Бартольдом в его работе „Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче“. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют сделать некоторые дополнения и уточнения в его выводах. В общих чертах налоговая система при монголах представляется в следующем виде.

Первым из постоянных налогов, введенных монголами, была, часто фигурирующая под названием купчур,² подушная подать, распространенная на все население. Согласно распоряжению Мангу-хана, указ

¹ Абд-ар-Реззак Самарканди. Матла „ас-са“ дайи. Рукоп. Лен. Гос. ун-ва., № 157, л. 9в, сл.

² О купчуре см. работу А. Али-заде. Изв. АН Аз ССР, 1945, № 5, стр. 87, сл.

которого стносительно этой подати сохранен Джувейни, размер ее равнялся от одного до десяти динаров, в соответствии со степенью состоятельности того или иного лица.¹ Однако фактический способ взимания вероятно далеко не соответствовал этому принципу „подходности“. В Хорасане, по словам Джувейни, „было постановлено с каждых 10 человек взимать 70 динаров“.²

По тому же принципу подушной подати взимался, по крайней мере в начальный период завоевания, наряду с денежным и продуктовый налог — тагор, о чем свидетельствуют независимые друг от друга персидские и армянские источники.³ Тагор как налог к концу монгольской эпохи в источниках уже не встречается. Купчур в смысле подушной подати также исчезает, оставаясь как термин для обозначения налога со стад кочевников,⁴ в соответствии со своим первоначальным значением в самой Монголии. Для обозначения оставшейся подушной подати мы в источниках встречаем персидский термин — сар-шумора (سر شماره).⁵ К сожалению, о размере последней ничего не говорится.

Вторым основным налогом являлся земельный налог, существовавший и до монголов, но при них подвергшийся существенным изменениям. Форма этого налога, видимо, не была единой для всего государства. В исторических сочинениях он называется различно: харадж, мал (مال), мутаваджхат (متوجّهات) и пр. В некоторых областях он взимался в денежной форме и его размер устанавливался в соответствии с площадью находящейся в пользовании земли. В большинстве же областей этот налог взимался в виде доли урожая.⁶ В конце монгольской эпохи для обозначения земельных налогов появляется в употреблении персидский термин бахра (بهره),⁷ близкий по значению известному термину мука-сима (доля). Согласно Хамдаллаха Казвини, казна получала с частновладельческих земель треть урожая.⁸ Сколько отдавали крестьяне (رعایا), сидевшие на землях государственных, прямо установить не удастся. Весьма вероятно, что с этих земель государство получало полных две трети. Косвенные данные дает ярлык Газан-хана относительно освоения пустующих земель. С некоторых категорий земель, наиболее доступных освоению, в пользу дивана устанавливалась доля от трети до половины⁹ — доля, которая на обычных культурных землях должна была быть выше, так как на вновь освоенные земли распространялись определенные льготы.

Для более позднего периода при джелаиридах мы имеем упоминания о доле государства (بهره), равной одной пятой урожая,¹⁰ но возможно, что после крушения ильханской династии налоговая политика наследовавшей им династии джелаиридов была смягчена.

¹ Джувейни. Ta'rikhi Jahan gusha of... Juwayni. Gibb memorial serie. XVI, 2, стр. 254.

² Там же, стр. 256.

³ Ср. Rashid el Din. Histoire des Mongoles de la Perse Publiee par M. Quatremere, стр. 136; История монголов по армянским источникам, пер. К. Н. Патканова, вып. 2, СПб., 1847, стр. 88.

⁴ См. Али-вад, стр. 100.

⁵ Дастур ал-катыб, л. 208в.

⁶ Рашид-ад-дин, л. 412в. و اما از آن ولاياتی که حقوق و متوجّهات ديوانی آن از ارتفاعات و وجوه انعين است واکثر آن بجزر و مقاسمات حاصل ميشد.

⁷ Дастур-ал-Катыб л. 199в; ср. Рашид-ад-дин, л. 406в.

⁸ Петрушевский, ук. соч., стр. 894, сл., где приведено указание на Хамдаллаха Казвини.

⁹ Рашид-ад-дин, л. 421а.

¹⁰ Дастур ал-Катыб, л. 199в. و بهره دو در ده.

В источниках нередко встречается налоговый термин „калан“ в общем значении налога. Конкретное значение этого термина (для Восточного Туркестана), приведенное у В. В. Бартольда,¹ — налог на возделанные участки — к Ирану вряд ли применим. Согласно указанию Рашид-ад-дина, а также данным армянских источников, можно полагать, что в своем более частном значении этот термин стоит в какой-то связи с налогом на содержание рекрутов, мобилизованных среди местного населения, или же с обязанностью оказания военной помощи, лежавшей на вассальных владетелях, которые оставались на территории хулагуидского государства. Именно в последнем смысле употребляется это слово („халан“) у Киракоса и у Магакия.² В персидских источниках более обычен для этого понятия термин کوچ دادن, т. е. „оказать помощь“.³ В связи с рекрутством термин калан употреблен у Рашид-ад-дина. В ярлыке об икте говорится, что икта дается воинам-рекрутам (بمهرم چريک), зачисленным в калан (که بقلان در آمرد).⁴ Во всяком случае о существовании рекрутства и связанной с ним повинности „калан“ мы имеем и другие, более определенные свидетельства источников. В ярлыке Газан-хана об установлении предельного размера вена за невесту говорится следующее: „Содержание детей лежит на родителях, за которых им следует постоянно нести повинность — калан (قلان بايد کشيد), а некоторым из детей надо итти в войско.“⁵ При условии растраты имущества на вено выполнить эти обязанности родители будут не в состоянии. Еще более определенно об этом говорится в сборнике писем Рашид-ад-дина. В одном из них, направленном правителю Исфагана, предлагается вместо тысячи верховых рекрутов, которых выставял Исфаган (вилайет) в том году больше пятисот не брать.⁶ При этом, в порядке, должно быть, льготы добавлено, что снаряжение и содержание их следует производить целиком за счет общеналоговых поступлений Исфагана; повидимому до того времени содержание рекрутов производилось не за счет доходов, поступавших в казну, а за счет специальных поборов с населения, по линии взимания калана.

К числу основных и самых обременительных повинностей относилась почтовая повинность — содержание почтовых станций (ямов) и обслуживание курьеров (ильчей). Все источники полны рассказами, рисующими в самых мрачных красках тяготы и бедствия жителей, связанные с этой повинностью. Наиболее тяжелые формы притеснений и унижений, которым подверглось во время монгольского владычества население, и прежде всего трудовые слои его, проистекали из этой повинности. Следует отметить, что сильно терпели от нее и низы самих монголов. Кочевники-монголы обязаны были наравне с оседлыми жителями-иранцами предоставлять подводы для почты.⁷ Пользовались ею лишь военно-феодалы верхи и те группы господствующего класса Ирана, которые прислуживали завоевателям.

Кроме этих основных повинностей, были и другие поборы. Как можно установить, существовал налог хона-шумора (خانه شماره), т. е. сбор с жилища или с усадьбы, соответствующий, повидимому, подымному

¹ Персидская надпись, стр. 30, сл.

² Патканов, ук. соч., стр. 12, 90.

³ Вассаф, стр. 344. Гератский мелик обещает хану: بقاعده ايل و مطيع باشد و کوچ دهد.

⁴ Рашид-ад-дин, л. 407в.

⁵ Там же, л. 412в.

⁶ Письма, л. 19а.

⁷ Рашид-ад-дин, л. 413в.

налогу на Руси; затем баг-шумора (باغ شماره)¹ — налог с садов или даже отдельных деревьев, которые выделяются из числа общих земельных налогов.

Во время привоза своих продуктов в город земледелец платил сбор за охрану ворот — дарвоза-бани (دروازه بانی). Кроме того, на дорогах взимали сборы за охрану самих дорог² — рах-дари (راه داری) или тан-коули (تنقاولی). К сожалению, мы не о всех указанных налогах имеем точные данные для определения их размеров.

Сверх этих постоянных поборов и повинностей, в источниках приводится много терминов, говорящих о ряде чрезвычайных поборов. К ним относятся разверстки (قسمات), тяготы (تكالیفات), требования (مطالبات), расходы (اخراجات). Все эти термины взяты из арабского языка. Но встречаются и турецкие термины, например تبغورات и ряд других³ с таким же примерно содержанием. Рашид-ад-дин говорит о них как о реальных поборах. Также и Вассаф. У последнего есть любопытный рассказ о взимании, во время правления Газана, сбора табгура в качестве чрезвычайного налога, который был предназначен для снаряжения армии после одного поражения.⁴

Помимо налогов и поборов, установленных диваном, население должно было оплачивать расходы, связанные со всем сложным процессом их сбора. В отличие от основной суммы налогов, называвшейся аслъ (اصل) — корень, основа, — эта добавочная сумма известна в источниках под термином фар' (فرع) — ветвь. Официально последняя равнялась 10%, но о действительном размере этой „ветви“ образно говорит Вассаф: „ветвь с корнем сравнялась“.⁵

Таков в общих чертах список налогов и повинностей, ложившихся на трудовые слои сельского населения, о которых можно говорить с той или иной степенью определенности. В. В. Бартольд высказано мнение, что налоги сами по себе не были чрезмерны.⁶ Однако даже один этот сухой перечень не позволяет согласиться с данным мнением. Безусловно налоги были и сами по себе крайне обременительными и приводили трудовое крестьянство к разорению. Вместе с тем, вполне можно согласиться с тем же высказанным мнением В. В. Бартольда о разорительности способов их взимания. Действительно, практика взимания налогов делала их еще более тягостными, подчас была невыносима для населения.

Сбор налогов или отдавался на откуп, или же передавался правителю области „на основе доверия“.⁷ Трудно сказать, какая из этих систем была тяжелее для населения. Каждая из них предоставляла широкие возможности для злоупотреблений и насилий. При откупе некоторые очень важные обстоятельства, отмечаемые источниками, ухудшали положение налогоплательщика настолько, что делали эту систему особо ненавистной для населения. Прежде всего, откупщики, конкурируя между собой для получения той или иной области в откуп, прибегали в самых широких размерах к подкупу влиятельных лиц и увеличивали сумму откупа, надеясь впоследствии выколотить эти добавочные расходы с податного населения. Эта сторона откупной системы красочно описы-

¹ Дастур ал-катыб, л. 225в.

² Там же, л. 226а. Последнее слово — монгольское.

³ Рашид-ад-дин, л. 392а, Дастур ал-катыб, л. 202а, 392а; Бартольд, Персидская надпись, стр. 37, сл.

⁴ Вассаф, стр. 438.

⁵ Вассаф, стр. 435.

⁶ Перс. надп. ... стр. 25.

⁷ Дастур ал-катыб, л. 199.

вается Вассафом.¹ Другой источник рисует откупную систему, как особо тягостную для низов, для „слабых“ потому, что, имея возможность освободиться от налогов одни группы населения, откупщики перекладывали „бремя сильного на плечи слабых“. При наличии в округе владений крупного феодала или людей, имевших могущественных покровителей, причитавшиеся с их владений налоги переносились на незащищенные трудовые массы населения.²

Сбор налогов сопровождался рядом злоупотреблений. И Рашид-ад-дин и Вассаф, знавшие очень хорошо налоговую технику, приводят много фактов, рисующих наиболее распространенные формы злоупотреблений. Несомненно представляло бы большой интерес специальное описание этой практики сбора налога в средневековом Иране, насколько известно, наиболее полно отраженной именно и источниках монгольской эпохи.

Судя по Рашид-ад-дину, одним из главных видов злоупотреблений были повторные поборы одной и той же подати. Повидимому купчур представлял для этого особо широкие возможности. Так, Рашид-ад-дин утверждает, что в некоторых местах он взимался по 10 или даже 20 раз.³ Оценка урожая для установления доли государства давала также полный простор для увеличения налогов. Вассаф в специальной главе о притеснениях, чинившихся в Фарсе сборщиками налогов, особо подчеркивает „незаконную оценку урожая“ (حزر فاحس), когда сборщики производили оценку в отсутствии владельца или земледельца, в результате которой от урожая не оставалось ничего для „вознаграждения земледельца, а также доли самого владельца“.⁴

Система штрафов (جسایت) за несвоевременный взнос налогов, произвол в установлении таксы на сдаваемые продукты тас'ир (تسعیر) и в назначении сроков поставок, сборы налогов вперед (تقدمه) — были настолько разорительны, что вызывали специальные указы со стороны правительства, в которых на виновных в этих злоупотреблениях призываются все небесные и земные кары.⁵

При таких условиях налог мог быть собран конечно только при помощи самого грубого насилия. Сбор налога и представлял собою по существу не что иное как военный поход в миниатюре. Вассаф оставил перечень участников отряда, производившего сбор налога в одном из округов Фарса. Он состоял из трех хакимов, шести набов, семи писцов и двухсот верховых и пеших воинов. Кормясь за счет населения, сборщики налогов не спешили особенно с окончанием сбора. Пребывание их в районе, по словам Вассафа, продолжалось целых 6 месяцев.⁶

Таковы те основные элементы, из которых слагалась налоговая система, существовавшая при монголах в Иране, поскольку она может быть в данном кратком очерке охарактеризована.

При таких тяжелых разорительных условиях, население деревень искало выхода в массовой миграции, в поисках новых мест жительства, в оставлении своих родных пепелищ. О том, что эта форма пассивного протеста приняла исключительно широкие размеры, свидетельствуют многие из наших источников.

¹ Вассаф, стр. 438.

² Даустур ал-катыб, л. 200а.

³ Рашид-ад-дин, — 404в; ср. „Персидская надпись...“ стр. 25.

⁴ Вассаф, стр. 438, 630, сл.

⁵ Там же, стр. 435.

⁶ Там же, стр. 630 и дальше.

„Из-за злоупотреблений и бедствий, — пишет, например, Рашид-ад-дин, — большинство населения вилайетов оставило родину и обосновалось в чужих краях. И города и деревни опустели“.¹

Подобные сообщения можно встретить на каждом шагу. Меры, принимавшиеся властями, заключались в попытках насильственного возвращения беглых крестьян, а также в вывозе жителей из одних областей в другие. Но эти меры результатов не давали. По словам Рашид-ад-дина, „сколько ильчи (посланцы) в разное время для собирания скрывшихся жителей ни ездили, ни разу ни одного из жителей на место не могли вернуть“.²

Старые формы и отношения, которые обеспечивали господствующим классам и государству регулярное поступление налогов, явно рушились в потоке миграции. Традиция несения повинности, рассматриваемая современниками, „как извечная“³ для опустевших деревень уничтожалась сама собой. Появилась настоятельная необходимость в установлении более действительных методов внеэкономического принуждения.

Особенность развития феодализма в мусульманских странах и, в частности, в Иране заключалась в том, что феодальные отношения очень длительное время не принимали внешней формы личной зависимости. И вот, именно при монголах, мы можем проследить, как устанавливается „отношение личной зависимости, личная несвобода... и прикрепление к земле“.⁴

Наиболее наглядно весь этот процесс закрепощения отражен в ярлыках Газан-хана, сохранившихся в „Собрании летописей“. Начало правления Газан-хана совпало как-раз с моментом, когда экономическая разруха и политический развал достигли наибольшей глубины. Само существование династии казалось под сомнением. Как известно, Газан-ханом был предпринят с большой систематичностью ряд реформ. Основные из них направлены именно на упорядочение сельского хозяйства.

Среди мероприятий Газан-хана в этой области особый интерес представляет для нас реформа экономической базы монгольского войска. Эта реформа идет по линии наделения военачальников и отдельных воинов определенными участками земли, вместе с сидевшими на них крестьянами. С первого взгляда это повторение старой домонгольской формы икты. Ярлык об этом так и назван „О наделении иктой войска“. Однако более близкое знакомство с содержанием этого ярлыка сразу же обнаруживает глубокое различие между ними. Изменившиеся условия потребовали соответствующего изменения и тех юридических норм, которые были характерны для икты сельджукской эпохи. Если в государстве сельджуков при наделе иктой официально говорилось, что мукта (владелец икты), помимо получения государственных налогов, никаких других прав не имеет, что земля и владения крестьян неприкосновенны,⁵ то, согласно ярлыку Газана, надел иктой в первую очередь обозначает передачу иктадержателю в наследственное владение „воды и земли“. А это уже ведет к необходимости прикрепления сидевших на этой земле крестьян, для которых земля отныне становится чужой. Этой цели и служил следующий пункт ярлыка:

„Те жители (райат), — говорится в ярлыке, — деревень как заселенных, так и опустевших, отданных им [т. е. воинам], которые рассеялись меньше, чем за 30 лет до этого, и в перепись и в податные списки

¹ Рашид-ад-дин, л. 388а: ср.: „Персидская надпись“, текст стр. 5; пер., стр. 7.

² Там же.

³ Вассаф, стр. 440.

⁴ К. Маркс. Капитал, т. III. Партиздат, 1932, стр. 570.

⁵ Nizam oul moulk. Siassef nameh. Texte, ed. par Ch. Schaefer, стр. 28.

других вилайетов не вошли, у кого бы они ни находились, вернуть [на старые места]. Точно так же, если крестьяне других вилайетов окажутся у них [у владельцев икты], — вернуть и их [на родину]. И ни под каким видом крестьян чужих вилайетов и местностей к себе не допускать. И да не вступят с ними в сношения, под предлогом, что они райаты дальнего вилайета, и ни под каким видом да не будут собирать их и оказывать покровительства и в деревни к себе допускать“.¹

В этом пункте, как мы видим, вопрос о прикреплении населения поставлен вполне определенно. Устанавливается принцип давности (тридцать лет), дающий право на насильственный возврат беглых крестьян.

Нет сомнения в том, что пользовались этим орудием в полной мере. Так, в дипломах конца хулагуидского периода о назначении на должность правителя последний обязывался „проявлять крайнее старание в собирании скрывшихся жителей“.² Продолжатель Рашид-ад-дина сообщает, что хорасанский наместник Донишманд (при Ульджайту) потребовал самым настойчивым образом от гератского мелика, бывшего в вассальных отношениях к хулагидам, вернуть жителей Мерва, Абиверда, Серахса, Джама, Хевафа, которые бежали во владения последнего.³

Монгольское государство, таким образом, этими указами лишило трудовые массы деревни последнего средства избавиться от нестерпимых насилий и притеснений, а именно возможности переменить место своего жительства. Когда этот последний клапан для сельского населения оказался закрытым, крестьянство вынуждено было искать выход своему протесту в формах открытой борьбы.

Социальные отношения в городах Ирана при монголах претерпевают также весьма глубокие изменения. Века, предшествовавшие монгольскому завоеванию (X—XIII), были временем более или менее непрерывного роста городов в Иране, временем развития их производственной и торговой жизни, организационной консолидации городского, в первую очередь ремесленного, населения.⁴ Этому процессу монгольское завоевание нанесло страшный удар, отразившийся как на развитии городов в целом, так и на положении трудового населения, в особенности. Как известно, наиболее упорное и действенное сопротивление монголам оказали именно города. Вся борьба фактически велась у городских стен и пала на плечи городского населения. Факты уничтожения целых городов и истребления десятков тысяч жителей во время монгольского нашествия достаточно хорошо известны. Известно также, что требование уничтожения городских стен включено в ясе Чингиз-хана. Этот разгром, которому подверглись крупнейшие города Ирана, не мог не отразиться самым пагубным образом на развитии городской жизни Ирана в целом. Неблагоприятное влияние на развитие городской жизни оказала также централизованная государственная система, которая устанавливается при монголах и, главное, централизованный налоговый аппарат. Систематические изъятия в виде налогов громадных сумм в условиях средневековой экономики приводили к общему упадку благосостояния областей и прежде всего к захирению местного городского производства. Эта отрицательная роль центральной власти осознавалась вполне отчетливо и современниками. Известный путешественник Якут, современник монгольского нашествия, знавший очень хорошо положение стран Ближнего Востока начала XIII в., говорит об этом следующее: „Каждая область, тратящая свои доходы (налоги)

¹ Рашид-ад-дин, л. 406в.

² Дастан ал-катыб, л. 198в, сл.

³ Продолжатель Рашид-ад-дина, л. 436в.

⁴ Ср.: А. Ю. Якубовский. Феодалное общество Средней Азии, стр. 27, сл.

вне (области), приходит в упадок. Процветают же области при наличии в них местной власти".¹

Приводимые Васафом данные о бюджете при Гайхату показывают, насколько значительно было это выкачивание средств из провинций в центр. Васаф делит всю расходную часть бюджета на „расходы по благоустройству и расходы установленные“, с одной стороны, и „расходы на общегосударственные мероприятия и царские дарения“, с другой. Если первая часть, условно говоря, шла на удовлетворение местных нужд, то вторая статья являлась для провинции совершенно потерянной. Соотношение же этих двух статей дохода весьма показательно. Из 1800 туманов на „расходы установленные“ выделялось всего 700 туманов, т. е. меньше 40%.² Остальные фактически расходовались придворными кругами. Показательными являются в этом отношении расходы на кухню ханского двора, на ханских жен и царевичей. Во время Гайхату они достигали громадной суммы в 165 туманов, что равнялось почти 10% всех доходов государства. Но сколь важным ни было бы указанное обстоятельство, не в нем одном была причина захирения города и ухудшения положения трудовых слоев его при монгольской власти. Вся политика, проводившаяся завоевателями в отношении городских ремесленников на протяжении почти всего существования хулагуидской династии, действовала в том же направлении. Встречая на своем пути, как выше упоминалось, упорное сопротивление со стороны городского населения, при захвате города они обычно истребляли большинство его жителей. Вместе с тем источники часто упоминают, что монголы при таких избиениях давали пощаду ремесленникам. Необходимо лишь отметить, что общее количество получивших пощаду довольно незначительно. Лишь в отношении Самарканда источники называют крупную цифру ремесленников, оставленных в живых. В других городах количество пощаженных ремесленников не превышало обычно нескольких сот человек. Так было в Гургэндже, Нишапуре, Герате, Мерве, бывших накануне завоевания крупнейшими производственными центрами с многотысячным ремесленным населением. Причины, заставлявшие монголов щадить ремесленников, понятны сами собой. Монгольские военачальники хорошо понимали прямую выгоду, которую могли доставить им искусные мастера среднеазиатских и иранских городов.

Оставленные в живых ремесленники в основной своей массе были поделены в качестве пленных-рабов между высшими военачальниками, в первую очередь между отдельными представителями ханского рода. На первом этапе завоевания большую часть их отправляли в Монголию. Об использовании этих ремесленников в Монголии сведений очень мало. Судя по очень любопытному рассказу о гератских ткачах, увезенных в Монголию сыном Чингиз-хана Тулуем, ремесленники селились отдельными колониями.³ Как видно из этого рассказа, подобные переселения в Монголию ремесленников не дали ожидаемых результатов, прежде всего ввиду их отрыва от сырьевой базы. Неподходящие условия Монголии и вообще кочевых орд для массовой эксплуатации ремесленников, видимо, дали себя чувствовать довольно скоро. После похода Чингиз-хана источники уже не упоминают о массовых переселениях ремесленников в Монголию. А при Угедее — первом преемнике Чингиз-хана (1227—1241) — по крайней мере часть увезенных ремесленников была даже возвращена на родину. Понятно, что наметившийся еще при жизни Чингиз-хана раздел государ-

¹ Jacuts geographisches Wörterbuch, herausgeg. von F. Wüstenfeld, т. IV, стр. 264.

² Васаф, стр. 271.

³ Рукоп. Лен. Гос. публ. библ., № 290, л. 204а, сл.; ср.: Рукоп. ИВАН, С. 474, 481в, 206а.

ства на отдельные улусы также сыграл свою роль. Во всяком случае увоз ремесленников в Монголию из Ирана и Средней Азии скоро приостановился.

С прекращением переселений ремесленников политика монгольских властей в отношении их принимает новую форму. В городах Ирана начинают создаваться так наз. „корхона“ (мастерская, „рабочий дом“).

Насколько известно, вопрос об истории корхона при монголах до сих пор не нашел специального освещения в литературе, а между тем, несомненно, корхона является одним из институтов, наиболее характерных для монгольской эпохи. Здесь я не могу касаться детальной истории развития этого института. Приведу лишь несколько известных мне упоминаний о них в источниках. Первое упоминание об организации корхона относится к 30-м годам XIII в., когда они были основаны в Тусе известным правителем Хорасана Керкевом.¹ Продолжали они существовать до конца хулагуидской эпохи и даже позже. О их крупном значении говорит множество фактов. Так, корхона фигурируют как объект притязаний в борьбе между золотозордынскими ханами и хулагуидами,² а также между отдельными царевичами улуса Чагатай.³ Специально о корхона говорится в одном из важнейших ярлыков в Газан-хане.⁴ Наконец, можно указать на то, что в дипломах при назначении визира наблюдение за корхона специально отмечалось как одна из его функций.⁵ Источники, к сожалению, дают гораздо меньше материалов для суждения относительно внутренней организации корхона. Известно, что корхона считались собственностью ханов или царевичей. В них вырабатывались одежда, оружие и вообще снаряжение для войска. Но упоминаются и корхона по производству стекла или зеркал (ойна).⁶ Помещения для корхона служили специально отстроенные крупные здания, где работали одновременно многие работники. Это видно из замечаний письменных источников, а также из раскопок городов Золотой Орды.⁷ По этим признакам их можно было бы сблизить с известными в века халифата казенными мастерскими, так наз. „тиразами“.⁸ Однако никакой генетической связи между этими двумя институтами, видимо, не было. Тиразы прекратили свое существование в Иране до появления монголов, и ко времени монгольского завоевания в источниках они, насколько известно, не упоминаются. Любопытно отметить, что египетский историк Аль-Омари, говоря об этих мастерских, называет их персидским термином, транскрибируя слово корхона на арабский лад (كرخانات), повидимому уже не зная арабского синонима.⁹ Имя первого их организатора (Керкез) говорит также о том, что прообраз этого института следует искать на Дальнем Востоке.

Для нашей цели главный интерес, однако, представляет рассмотрение положения работавших в этих корхона ремесленников. Прежде всего, монгольское владичество ознаменовалось ухудшением юридического и социального положения ремесленников. Можно считать фактом, что в городах Ирана, накануне монгольского завоевания, уже не существовало рабско-крепостных форм ремесленного труда. И вот в корхона

¹ Juwayni, ук. соч., т. II, стр. 223.

² Тизенгаузен, Сб. матер., относящихся к истории золотой Орды, т. I, СПб., 1884, стр. 218.

³ Вассаф, стр. 69.

⁴ Рашид-ад-дин, л. 433в.

⁵ Даstur ал-катыб, л. 187 в; Вассаф, стр. 542.

⁶ Рашид-ад-дин, л. 461в (Продолжатель).

⁷ А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении..., 1931, стр. 16.

⁸ О тиразах см.: Encyclopaedie des Islams S. V. „Tiraz“.

⁹ Тизенгаузен, ук. соч., стр. 218.

по преимуществу и оживают снова рабско-крепостнические формы эксплуатации ремесленников. Об этом наглядно свидетельствует официальный ярлык Газан-хана, посвященный реорганизации снабжения войска и, в частности, реорганизации корхона. В нем мастера корхона в числе других ремесленников, занятых в производстве военного снаряжения, прямо названы асирон — пленники-рабы.¹

Помимо работавших в ханских корхона, значительный слой ремесленников был обращен в рабов отдельных представителей господствующего класса завоевателей. О них пишет Плано Карпини: „В земле сарацинов они (монголы) являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и представляют их ко всем своим делам... Каждому они на день хлеба дают на всех, но очень немного, а также не уделяют им ничего другого, как небольшую порцию мяса трижды в неделю и они делают это только для тех ремесленников, которые пребывают в городах“.² К сожалению, других указаний, которые помогли бы нарисовать более полно картину организации производства в корхона или эксплуатацию ремесленников в хозяйствах отдельных феодалов, источники не оставили.

Этим прямым закрепощением определенной части ремесленников далеко не ограничивалась политика монгольской власти в отношении производительного населения городов. Как бы значительна ни была упомянутая выше категория ремесленников, несомненно, что большая часть их, особенно в южных районах Ирана, где города не подвергались непосредственному военному захвату, сохранила свое прежнее положение. Как можно судить по свидетельству источника конца хулагуидской эпохи, ремесленники сохранили там свои (цеховые) организации.³ В отношении этой категории ремесленников Плано Карпини писал: „Другие же ремесленники (т. е. те, которые непосредственно не работают в качестве рабов) платят им дань от своих занятий“.⁴ Под этой данью бесспорно разумеется тамга — налог, установленный при монголах на ремесленные мастерские. В. В. Бартольдом показано, что этот налог являлся нововведением и рассматривался как несовместимый с шариатом.⁵ Действительно, как можно судить по источникам, в предшествующие века в Иране не была известна в значительных размерах практика постоянного обложения ремесла. К сожалению, восстановить размеры налога-тамги на основании имеющихся свидетельств источников пока невозможно. Единственное мне известное упоминание о величине его мы находим в одном из писем Рашид-ад-дина, в котором он предлагает правителю Исфагана снизить тамгу в этом городе „до половины десятины“, т. е. до пяти процентов (стоимости продуктов ремесла).⁶ Бартольд, ссылаясь на Рашид-ад-дина, устанавливает, что тамга являлась одним из главнейших источников дохода казны при хулагидах.⁷ Как показывает приводимая ниже таблица, составленная нами по данным Хамдаллаха Казвини для конца монгольской эпохи, удельный вес городской тамги в общей сумме государственных доходов был действительно весьма значителен. Хамдаллах делит все доходы на две категории: тамгу, т. е. налоги с городов, и налоги, взимаемые с вилайетов, т. е. с сельского

¹ Рашид-ад-дин, л. 464а.

² Плано Карпини, ук. соч., стр. 35.

³ Voyages d'Ibn — Batoutah, II, p. 45 (Исфагань); 52 (Шираз).

⁴ Плано Карпини, ук. соч., стр. 36.

⁵ Персидская надпись... стр. 35.

⁶ Письма Рашид-ад-дина, л. 19а.

⁷ Персидская надпись..., стр. 35, прим. 3.

населения. Вот соотношение этих двух видов дохода по некоторым областям.

Тебриз	доход от тамги	1150	туманов с вилайета	285	тыс.
Казвин	"	5,5	"	5,5	"
Марага	"	70	"	185	"
Исфаган	"	350	"	500	"
Хамадан	"	20	"	130	" 1
Всего	доход от тамги	1640	туманов с вилайетов	1255	туманов.

Эти данные говорят о том, что величина тамги, как налога, конечно была весьма значительна сама по себе. Однако тяжесть тамги усиливалась во много раз, благодаря тем многочисленным злоупотреблениям, которые сопровождали всякий сбор налогов при монголах. Представление о характере этих злоупотреблений дает следующий рассказ Рашид-ад-дина: „Ежегодно на содержание ильчей (посланцев) расходовалось 2—3 сбора купчура и тамги. Люди же удивлялись, отчего это хаким не жалеет наличных средств тамги, что тратит их с такой безрассудностью, а то не приходило им в голову, что он (хаким) делает это черное дело намеренно, чтобы под этим предлогом назначить новые поборы и взимать заново налоги“.² Эти повторные поборы являлись настоящим бичом для городского населения. Мероприятия, которые были проведены с целью упорядочить сбор налогов при Газан-хане, оказались столь недолговечными, что уже при втором преемнике его правительство вынуждено было, как это видно на примере города Ани, принять новые меры против тех же злоупотреблений.³

Характеристика положения производительных слоев населения города была бы далеко не полной, если бы мы обошли молчанием такой важный фактор в жизни города монгольской эпохи, как торгово-ростовщический капитал. Трудно указать другую эпоху в истории Ирана, когда торгово-ростовщический капитал пользовался бы столь широким покровительством со стороны верхушки власти, как при монголах. Вместе с тем никогда деятельность этих слоев не имела столь спекулятивно-паразитический характер и не была связана с такими злоупотреблениями, как в эту эпоху. В литературе уже отмечались те связи, которые установились между ханским двором в Монголии с представителями торгового капитала.⁴ В Иране эти связи были еще теснее. Так, ставки ханских жен и царевичей являлись центрами ростовщических операций. Именно ими поддерживалась и финансировалась та безудержная, полная злоупотреблений спекуляция, которая развилась вокруг финансового ведомства в связи с казенными поставками, откупам налогов, описанию чего посвящены многие любопытнейшие страницы „Истории Газана“ (Рашид-ад-дина).⁵ Купцы-уртаки пользовались в указанной среде особым влиянием, которое, повидимому, давало им весьма существенные льготы, в том числе даже сословного порядка.⁶ Следует особенно отметить, что торгово-ростовщический капитал был теснейшим образом связан с налоговым управлением. Именно купцы держали почти повсеместно на откупе все налоги государства,⁷ в том числе и городские.

¹ The geographical part of the *Nuzhat al-Qulub* by Hamd-Allah Mustawti of Qazwin, ed. by G. Le Strange, L., 1915, p. 59—87.

² Рашид-ад-дин, л. 434.

³ Ср.: Персидская надпись..., стр. 34, сл. (о тамге).

⁴ А. Ю. Якубовский. Восстание Тараби в 1238 г., стр. 111, сл.

⁵ Рашид-ад-дин, л. 426, сл.

⁶ Там же, л. 396а (они являлись „Инджу“ отдельных представителей ханского рода).

⁷ Вассаф, стр. 197, об одном из крупнейших откупщиков монгольского времени — мелике Шемс-ад-дин Муххамеде; там же, стр. 269, об откупщике Джемаль-ад-дине.

Еще в большей степени городским низам пришлось испытать на себе эксплуатацию этих элементов благодаря ростовщичеству, которое влекло за собой пожизненную и даже наследственную кабалу. В одном из образцов указов, помещенном в „Дастур-уль-катыбе“, об установлении максимума ростовщического процента, специально подчеркивается разорительность ростовщичества для тех, кто берет мелкую сумму, „дабы на несколько дней с помощью этой суммы себя и семью свою спасти от голода и наготы“.¹ Крайне любопытно сообщение Ибн-Батуты о производственной кабале посредством долговых обязательств ловцов жемчуга в Персидском заливе. „Султан [власть], — сообщает автор, — берет одну пятую [своей добычи], а остальное закупают купцы, находящиеся на лодках ловцов. Большинство из купцов имеет за ловцами долги и они забирают жемчуг за долг“.² О пожизненной и наследственной кабале свидетельствует и Рашид-ад-дин.³ Ростовщичество приняло настолько угрожающие размеры, что при Газан-хане, несмотря на сопротивление влиятельных слоев господствующего класса, в том числе и придворных кругов, был издан специальный ярлык, освобождавший должников от уплаты как процентов так и взятой суммы.⁴ В дальнейшем правительство, как об этом свидетельствуют указы, сохраненные в Дастур-ал-катыбе, вынуждено было пойти на уступки этим кругам и признать де-факто право на проценты за долги.⁵ Правда, был установлен предельный размер процентов, выше которого ростовщики требовать не имели права. Самая необходимость в повторных актах показывает, что на практике все эти указы были очень мало действенными.

В глазах народа фигура купца-уртака, ростовщика, являлась одной из самых ненавистных. Городская беднота беспощадно расправлялась с ними всегда, как только к этому представлялась возможность. Так, во время восстания, поднятого правителем Исфагана после смерти Аргун-хана, первыми были перебиты купцы, „прибывшие туда с ассигновками правительства“.⁶

Подводя итоги сказанному, мы видим, что в монгольскую эпоху положение производительного класса города было крайне тяжелым, быть может, худшим, чем в какой-нибудь другой период средневековой истории Ирана. Естественно, ремесленники городов относились враждебно к монголам.

На самом низу общественной лестницы в средневековом Иране стояли рабы. В источниках они обычно называются терминами барда, гулям (برده، غلام). Рабство, как социальный уклад, в эту эпоху мало изучено. Известно, что оно имело очень широкое распространение в первые века халифата. После рабского восстания зинджиев во второй половине IX в. рабство, повидимому, идет на убыль в сельском хозяйстве. Оно остается лишь в домашнем обиходе, по преимуществу в городах, где купля и продажа рабов не прекращалась.

С монгольским завоеванием рабство снова получает чрезвычайно широкое распространение. Толчком к развитию его явился сам ход завоевания, сопровождавшийся пленением громадных масс населения. Монголы широко практиковали, как известно, обращение в рабство всех тех, кто не мог нести повинности, платить налоги.⁷ В виде репрессий после вос-

¹ Дастур ал-катыб, л. 49а.

² Voyages d'Ibn-Batoutah, II, стр. 233.

³ Рашид-ад-дин, л. 428а.

⁴ Там же, л. 429в.

⁵ Дастур-ал-Катыб, л. 50а.

⁶ Вассаф, стр. 253.

⁷ Плано Карпини, стр. 33.

станий обращались в рабство десятки тысяч человек.¹ Имеется много данных о больших размерах, которые приняла при монголах международная торговля рабами. „Для не проходит, чтобы из Рума и других областей не привозили рабов“, — пишет Хамдаллах Казвини и добавляет тут же: „А составитель книги говорит, что [признаком] несчастья нашей жизни является то, что сейчас стали отправлять рабов и из Ирана в Рум“.² Как увидим ниже, в источниках упоминаются рабы — грузины, абиссинцы, индусы и др. Сами монголы поступали на рабский рынок.³

Источники дают нам вполне достаточный материал для того, чтобы говорить с полной определенностью о применении рабской силы в сельском хозяйстве монгольского Ирана. Так, в ярлыке Газан-хана об икта говорится об использовании рабского труда при обработке земель, как о совершенно обычном явлении. „А с земель целинных, которые будут обрабатываться их (т. е. воинов, получивших икта) рабами и волами, и засеиваться их семенами, весь урожай пусть идет в их пользу“.⁴

Чрезвычайный интерес представляют письма Рашид-ад-дина к его сыновьям, в которых он просит прислать ему в Тебриз рабов. Одному из них Рашид-ад-дин пишет: „А на наши собственные средства купи у купцов 200 рабов и 200 рабынь абиссинцев, индусов и курдов, и других и отошли их в столицу — Тебриз“.⁵ Повидимому в прямой связи с этим письмом находится и другое. Приведу перевод основной его части: „Сыну Ходже Джелалу... Извещаю, что по соседству с кварталом Рашиди [я] приказал разбить сад... Так как его площадь обширна и размеры пространны [я] основал в нем пять деревень. В каждой из них поселил разноплеменных рабов, [с тем] чтобы занялись они посадкой виноградников в деревьях, прокопкой каналов и подземных арыков, виноделием и сбором плодов. В настоящее время заселены четыре деревни в таком порядке: деревня зинджиев [имеет] сорок человек мужчин и [столько же] женщин; деревня грузин — сорок мужчин и [столько же] женщин; деревня курдов(?) сорок мужчин и [сорок] женщин; деревня абиссинцев — сорок мужчин и сорок женщин. Последняя деревня [пока] не заселена и не устроена. Желая, чтобы и эта деревня появилась. Надежда на то, что будут присланы 40 рабов и [40] рабынь румейских в столицу Тебриз, которых поселю в упомянутой деревне“.⁶

Содержание этих писем недвусмысленно говорит о широком применении рабской силы в хозяйствах плантаторского типа.

В хронике египетского историка Аль-Омари сохранилось сообщение об известном хорасанском шейхе Ахмед Хисами, о котором автор пишет, что „у него пять тысяч рабов, которые работают на него. Виды их занятий многочисленны, а его доходные заведения, имения и посевы не перечтешь“.⁷ Конечно, нет оснований предполагать, чтобы это были единичные исключения. Таким образом, применение рабского труда в сельском хозяйстве является для этого периода бесспорным фактом и одним из самых важных показателей социального регресса, связанного с монгольским владычеством в Иране.

Быть может, еще более широкие размеры имело в это время домашнее рабство, дворовое. В источниках много упоминаний о так называемом

¹ Вассаф, стр. 254.

² Nuzhat-al-Qulub, стр. 94.

³ Рашид-ад-дин, л. 424а.

⁴ Рашид-ад-дин, л. 405а.

⁵ Письма Рашид-ад-дина л. 8а.

⁶ Там же, л. 27а.

⁷ Рукоп. ИВАН, В. 782, л. 27а.

мых фарраши (домашних слугах), погонщиках ослов и верблюдов (شتر بازان، خر بازان), многочисленной охотничьей прислуге и т. п. Будучи на положении рабов, они во многом напоминают дворовых русских феодалов. Вниманием, которое им уделяется в источниках, они обязаны резкому протесту против гнета. Болнения, которые вспыхивали среди дворовых крупных феодалов, доставляли множество хлопот властям. При Газан-хане был даже издан специальный ярлык, грозивший за подобные эксцессы суровыми наказаниями, вплоть до казни.¹ Образцы указов по борьбе с этими элементами находятся и в Дастур-ал-катыба.²

Положение рабов было исключительно тяжелым; по выражению Плано Карпини, их положение „достойно всякой жалости“.³ Весь его рассказ свидетельствует действительно о бесчеловечном отношении к ним со стороны господ. В таких же мрачных красках рисует их положение и Рубрук.⁴ Показательным является факт учреждения в Тебризе при Газан-хане специального правительственного вакфа, предназначенного для выдачи кувшинов „рабам и рабыням“, разбившим их.⁵ Повидимому взыскания хозяев были столь жестокими, что обратили на себя внимание даже правительства.

Неудивительно поэтому, что в борьбе народных масс Ирана против монголов определенное место занимали и рабы. Так, в принявшем очень большие размеры дорожном бандитизме беглые рабы являлись постоянными соучастниками.⁶ В восстании сербедаров, положившем в Хорасане конец монгольскому владычеству, рабы также играли весьма активную роль.

¹ Рашид-ад-дин, л. 440 в.

² Дастур ал-катыб, л. 226 в.

³ Плано Карпини, стр. 37.

⁴ Там же, стр. 74, сл.

⁵ Рашид-ад-дин, л. 394 а, ср. „Персидская надпись...“ стр. 45.

⁶ Рашид-ад-дин, л. 415 в.